

энергично разламывающую старый облезлый венский стул. — Вам не кажется, что уже хватит?

Стул тем временем был растерзан на части, и никто не ушел обиженным. Все участники ухватили по кусочку. Самый лакомый — спинка стула — достался старшему, восьмилетнему белобрысому Матвею. По крайней мере, так он считал, пока не выяснил, что просунуть голову между рейками спинки легко, а вот освободить ее можно, только оторвав напрочь саму голову.

Голова оказалась Матвею ценной частью тела, поэтому он завопил басом «я застря-а-ал», выразительно поглядывая в сторону матери и ее гостя.

— Матюша! Иди уже сюда, горе ты мое! — топнула ногой Марисабель.

Матвей подошел и посмотрел на ангела. Ангел ему понравился, и, чтобы привлечь его внимание, Матвей затянул «застря-а-а-ал» еще громче.

Гавриил вздохнул и легонько коснулся спинки стула длинными перстами. Спинка немедленно разъялась на части и осыпалась на землю, освободив страдальца.

— Ух ты! — восхитился Матвей. Гость нравился ему всё больше.

Мальчик шмыгнул носом, уставился на ангела блестящими от любопытства глазами и приготовился к полноценному участию в беседе взрослых.

— А у нас есть черепаха Изя, — сообщил он. — Только она убежала.

— И ничего не убежала. Просто гуляет, и я знаю где. Матюша, нечего уши греть! Иди-ка ты отсюда! — снова топнула ногой Марисабель.

Матвей немедленно развернулся, помчался к крыльцу, схватил растрепанную книгу, лежавшую на ступеньках, и вернулся к братьям.

— Что-то он сегодня слишком послушный. Не заболел ли? — озабоченно глядя вслед сыну, пробормотала Марисабель.

— Это временное явление, — успокоил ее ангел.

— И зачем он взял эту книгу? Это же «Наш человек в Гаване» Грэма Грина. Я ее сейчас читаю, — продолжала недоумевать Марисабель. — Книжка, конечно, хорошая, но, по-моему, ему еще рано.

— Сегодня это не Грэм Грин, — улыбнулся ангел. — Не беспокойтесь.

Матвей тем временем усадил братьев на скамейку, раскрыл книгу и, немного спотыкаясь, но в целом довольно бойко, стал читать вслух. «В то самое утро, когда папа Муми-тролля закончил мост через речку, малютка Снифф сделал необычайное открытие...» — донеслось до Марисабель.

— Ой! — обрадовалась она. — Спасибо, это моя любимая про муми-троллей!

— И моя тоже. А я еще «Волшебную зиму» люблю, — признался Гавриил. — И «Опасное лето». Я вообще всё про муми-троллей люблю... — Он помолчал, кашлянул и продолжил: — Но вернемся же к нашему разговору. Э-э-э... неужели вам не хочется быть благословенной во всех народах на земле?

— Ничутьточки, — посуровела Марисабель. — И вообще, что, собственно, происходит?

— Видите ли, мы решились на вторую попытку, — пояснил Гавриил. — В прошлый раз все пошло не так и...

— «Не так» — это еще мягко сказано! — перебила его Марисабель. — Вы уж меня извините, но в прошлый раз у вас черт-те что получилось!

Гавриил болезненно поморщился:

— Прошу вас, не упоминайте всуе ... э-э-э... другое ведомство.

— Ну, хорошо, безобразие у вас вышло в прошлый раз. Суть от этого не меняется. Совершенно дикая история! — продолжала возмущаться Марисабель. — Какие-то терновые венцы, кресты, бичевания... Это же сплошные ужасы!

— Вот поэтому мы решили всё исправить. В этот раз будет по-другому. Мир изменился к лучшему. Мы тщательно подготовились. Учтены все ошибки.

— И вы выбрали меня? Что за странная фантазия? А ничего, что для девы у меня слишком много недостатков, например четверо детей?

— В конце концов, общественные нормы морали заметно смягчились, и было решено считать этот вопрос второстепенным.

— Спасибо, конечно, но все-таки: почему — я?

— Мы и сами того не ведаем! — с волнением воскликнул Гавриил. — Но все приметы, все тайные знаки указали на вас — звезда воссияет над вашим домом! Мы перепроверяли, мы консультировались! — Ангел развел руками, демонстрируя полнейшее недоумение. Понизив голос, он признался: — Мы даже гуглили!

— Пхе-е-е! — раздалось с верхушки забора. Уши Гавриила порозовели.

— Они гуглили, — задумчиво сказала Марисабель самой себе. — О темпора, о морес... Знаете что, Гаврюша, мне скоро детей кормить, пойдемте в дом, там и поговорим. — Она заглянула в таз и вздохнула. Красивая мыльная пена исчезла, бриллиантики полопались, осталась только мутная сизая водица. — Ну вот, белье недостирано, и вода уже остыла.

— Это ничего, это я сейчас, — торопливо сказал Гавриил. Он окунул конец пальмовой ветви, которую все еще держал в руке, в таз и постоял так с полминуты. — Все, готово!

Вода в тазу стала кристально голубой, простыни — белоснежными.

— Ничего себе! — Тонкие брови Марисабель высоко взлетели. — Вы всемогущи?

Гавриил порозовел еще больше:

— У меня многое не получается. Я, видите ли, недавно в ангелах. Никакого опыта. Честно говоря, я даже не понимаю, почему для этой почетной миссии не выбрали кого-то более сведущего. Разве что имена совпадают.

— А я думала, вы тот самый... ну, который тогда...

— Нет, я не тогда. То есть тогда — не я. — Гавриил запутался и замолчал.

Марисабель решила сменить тему:

— Давайте об этом позже, после обеда, а пока развесим белье — чего ему в тазу прохладиться?

Вдвоем, в четыре руки, они быстро украсили веревки между сараем и домом отлично выстиранным бельем. Простыни тут же надулись от гордости и стали похожи на паруса, наполненные ветром странствий и перемен. Марисабель поднесла край полотна к лицу и закрыла глаза — пахло кедром и ладаном.

Закончив, она и ангел пошли в дом. На крыльце, не сговариваясь, оглянулись.

В бузине, где-то среди пышных желтовато-белых соцветий, неутомимо щебетал певчий воробушек — славка.

— «А знаешь, — с выражением читал Матвей, — если подняться в воздух на много-много сот километров, небо там уже не голубое. Там, вверху, оно совсем черное, даже днем».

— Это правда, — вдруг сказал Гавриил.

Марисабель посмотрела ему в лицо — оно было печальным. Фарфор на нем потемнел, золото потускнело.

Собаки тихо сидели у ног детей и, склонив головы набок, тоже слушали Матвея.

2

В доме было светло, прохладно и, несмотря на некоторый беспорядок, неожиданно уютно. Беленые дощатые стены и потолок, распахнутые окна прикрывают подвязанные лентами ситцевые занавески в клетку, на громоздком исцарапанном ореховом комодке стоит жестяное ведерко с полевыми цветами, архаичный буфет выкрашен в зеленовато-бирюзовый, филенки молочного цвета искусно расписаны букетиками лаванды и веточками люцерны. Над большим обеденным столом висит круглая кованая люстра сказочной красоты — плети черных роз обвивают тележное колесо. Гавриил засмотрелся на нее.

— Это Матюшин отец делал, — пояснила Марисабель. — Он был очень хорошим кузнецом. На рождение сына выковал мне целый букет. Но однажды ему за шиворот попал горящий уголек, он пытался его вытряхнуть, выбежал из кузницы, и больше его никто не видел.

Гавриил сочувственно помолчал и сказал:

— У вас очень мило. Немного напоминает Прованс.

— Вы заметили? — обрадовалась Марисабель. — Так и было задумано. Для общарпанного, но с традициями дома нет ничего лучше, чем провансальский стиль, — засмеялась она. — А бабушкин буфет я сама расписывала.

— Очень хорошо получилось, — похвалил Гавриил. — Картину, наверное, тоже вы рисовали? — Он указал на висевший над диваном необрамленный холст.

На картине нервными густыми мазками была изображена южная марина — почти всё пространство холста занимала лазурная скатерть моря, пестрая от разноцветных солнечных бликов, усеянная рыбацкими суденышками, и только в левом нижнем углу стояло кривоватое блюдо золотого песка, на котором раскромсанной халвой лежали охристые скалы.

— Нет, ну что вы, я так не могу. Это отец Марка писал, моего второго сына, он был очень талантливым художником. Больше всего любил рисовать море. Однажды поехал на этюды с друзьями, но внезапно при полном штиле поднялась гигантская волна и унесла с собой Маркушиного папу. Больше я от него известий не получала.

Гавриил снова предпочел сочувственно промолчать.

Марисабель усадила ангела на диван, покрытый лоскутным одеялом, поставила перед ним стакан и бутылку минеральной воды, а сама принялась накрывать на стол.

ФАНТАСТИКА

— Я не пью, — поспешно сказал Гавриил.

— Это нынче у мужчин такая редкость, — заметила она.

— Вы не поняли. Я вообще не пью.

— Да всё я поняла, просто пошутила, — засмеялась Марисабель.

Ангел подумал и тоже рассмеялся.

Они принялись оживленно обсуждать всяческие сторонние темы, житейские пустяки, погоду, дороговизну первой черешни и первой клубники и проскочили буквально в миллиметре от видов на урожай озимых, но благополучно избежали этого и внезапно перешли на тему книжной иллюстрации: с Марисабель это случилось часто, она была из тех лесорубов, что продолжают валить деревья даже во сне. Она принесла и показала Гавриилу альбом с иллюстрациями Чарльза Робинсона к «Виндзорским проказницам», и ангелу все очень понравилось. «Легкая рука», — отозвался он.

Быть может, потому им так легко разговаривалось, что никому не хотелось возвращаться к причине явления Гавриила, хотя оба понимали, что это неизбежно.

Марисабель казалась, что она внутри мыльного пузыря — хрупкое равновесие опустилось на маленький дом и укрыло его радужной сферой, но одно неловкое касание — и защита разлетится брызгами-невидимками. А сейчас так хорошо: на дворе — начало лета, на календаре — выходной день, и завтра будет выходной, дети на свежем воздухе читают умную и добрую книжку, за столом сидит ангел и ведет себя как интеллигентный человек.

— Мне так нравятся ваши звуки, — признался ангел. — Просто наслаждение.

— А что с нашими звуками? — удивилась Марисабель, расставляя на столе посуду.

— Там, откуда я прибыл, всегда тихо. Слишком тихо. Другие не замечают, а меня это мучает. Мне стыдно, но мне нравится гроза, когда гром грохочет. Я сейчас сижу и слушаю музыку: вот вы положили ложку на тарелку — она звучит тонко и звонко, а крышка кастрюли лязгает более низким звуком. Целлофановая обертка, из которой достают салфетки, издает царапающий шелест, нож, когда вы резали зелень для салата, так бойко звучал... и пение этой птички...

— Славки, — подсказала Марисабель. — Я хорошо разбираюсь в птицах. Отец Лукаса, моего третьего сына, был орнитологом. Но однажды осенью огромная птичья стая, улетающая на юг, подхватила его и унесла в жаркие страны.

— И больше вы его не видели, — догадался Гавриил.

— Ни разу. Так что вы там говорили про славку?

— Да-да, пение этой птички представляется мне в виде золотой сетки, которая всё плывет и плывет по воздуху, то выше, то ниже, и никак не может опуститься.

— Вам, Гаврюша, стихи надо писать. Вы не пробовали? Гавриил смутился:

— Признаться, я иногда думаю, что когда-то я был поэтом... или музыкантом... или художником. Не знаю, достаточная ли это причина для подобного утверждения, но мне всегда настолько не хватает звуков, красок, осязаний, ощущений, что невольно на ум приходит мысль создать что-то новое самому. Вы извините, я как-то сумбурно и непонятно высказываюсь, но всё это оттого, что вслух я этого никогда не говорил.

— Ну, почему же, — возразила Марисабель, двумя вилками перемешивая салат, заправленный маслом, лимонным соком и перцем. — Напротив, всё очень даже понятно. По-моему, это и есть основная причина для творчества. К примеру, отец Ивана, моего младшего, был музыкантом. Тоже всегда и везде ловил звуки, и всегда ему их было мало. А однажды он увидел, как крыса идет по улице и играет на золотой дудочке. Так и ушел из нашего города вслед за крысой.

— И больше вы с ним...

— Отчего ж. Виделась пару месяцев назад — ездил в Москву по делам. Так и живет с той крысой. А вот вы сказали, что когда-то кем-то были. Вас разве не Он создал? — И Марисабель кивнула вверх.

— Он создал всё, — твердо сказал Гавриил. — Но материал для всего и вся — это эманации человеческих душ, из этого Он сотворил и продолжает сотворять всё вокруг, как духовное, так и материальное.

— Вот как? — задумалась Марисабель. — Теперь я понимаю, почему этот мир иногда такой странный.

Гавриил пожал плечами:

— А больше не из чего. Знаете, как в одной старой песне поется: «Я тебя слепила из того, что было». К сожалению, мало кто прослеживает связь и понимает меру ответственности перед Вселенной. Люди сами поставляют негодный материал для возведения своего же мироздания — и оно начинает разрушаться, в то время как путь к спасению совсем рядом. — Ангел повертел в руках стакан, потом продолжил: — Закон любви действует, как действует закон гравитации, независимо от того, принимаем мы это или нет. Это не я сказал, это Махатма Ганди. Вот поэтому нам нужен человек, с помощью которого понятие все-ленской любви будет вложено человечеству прямо в сердце.

— Э-э-э... По-моему, про ответственность куча народа уже пыталась сообщить. Убил бабочку — получил плохого президента, и всё такое, — нахмурилась Марисабель, уловив, что ангел пытается свернуть на проторенную дорожку.

— Истина на самом деле проста. Многие ее чувствуют инстинктивно и пытаются, как могут, выразить. Но дела идут настолько скверно, что обычный человек тут уже не поможет. Нам нужен Царь царей, Князь мира, Отец вечности, Мессия, наделенный неодолимой харизмой, пылкой страстью, способный объять силой своей души весь свет! Для этой личности Он собрал всё лучшее, что только смог найти, — это будет воистину божественное творение!

Марисабель поняла, что пришла горькая пора расставить все точки над «i». Она отложила в сторону половник, которым размешивала суп в кастрюле, машинально сняла с себя передник и встала перед ангелом, сверкая черными глазами и вибрируя от внутреннего волнения, как маленькая хрупкая стрекозка, зависшая над озерной водой.

— Я категорически против вашей авантюры! Мессиянство — опасная стезя. Какая нормальная мать пожелает своему сыну такую судьбу? Вы что, людей не знаете? Вы мне тут Ганди цитировали. И чем всё для него закончилось? Он вкладывал любовь в чужие сердца, а в свое получил пулю. Все истории с мессиями заканчиваются одинаково. Вы сказали, мир изменился к лучшему. Что-то не похоже. Разве что Уголовный кодекс появился — единственная на мой взгляд причина, почему у нас в ходу больше терновые венцы, чем бичевания с распятиями. Нет уж, найдите кого-нибудь действительно сильного, мудрого, способного воспитать того, кто сумеет переломить скверную тенденцию, а я подчас бываю удивительно глупа и неловка, у меня куча недостатков. Так и передайте — я отказываюсь!

Марисабель перевела дух и приготовилась выдержать длительную осаду, но Гавриил посидел в молчании, потом решительно налил в стакан воды, выпил до дна и, опустив золотистую голову, пошел к выходу. Дверь сама открылась перед ним.

— Мне очень жаль, — сказала ему вслед Марисабель. — Вы залетайте как-нибудь. Было очень приятно, но, честное слово, вы не того человека выбрали.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — непонятно ответил Гавриил и, не оборачиваясь, вышел.

Дверь закрылась.

Марисабель постояла еще какое-то время, озадаченно глядя на дверь. Откуда взялось это странное ощущение, что в комнате только что кто-то был? Может, из-за незнакомого запаха, повеявшего неизвестно откуда? Пахло приятно, но странно, так пахнут церковные свечки из настоящего воска. И чувство утраты — откуда оно взялось? Она в недоумении взяла со стола стакан, осмотрела его, повертела в руках и отнесла в мойку. Бутылку с минеральной водой убрала в холодильник. Снова оглядела пустую комнату, потом тряхнула головой и принялась нарезать хлеб.

На крыльце сидели две распушенные от негодования кошки и преграждали Гавриилу проход.

— Ты не сказа-а-а-ал ей! — обвиняюще начала одна из них.

— Она не зна-а-а-ает, что это было не предложение! — подхватила другая. — Ты не сказал ей, что пришел с простым извещением о свершившемся факте, как было две тысячи лет назад!

— Я не смог, — глухо пробормотал Гавриил и опустил голову еще ниже. — У меня язык не повернулся. Мне стало ее жалко. Поэтому я сделал так, чтобы Маша забыла о нашей встрече. Пусть пришлют кого-нибудь другого, а у меня не получилось.

— Он не смог! — фыркнула первая кошка.

— У него язык не повернулся! — потрясла лапой вторая. — А если больше никого не пришлют, она так и останется в неведении и быстренько придумает

историю про то, как налетел ураган и унес папашу ее последнего ребенка в страну Оз?

— И больше она его никогда не видела, — продолжили из лопухов скрипучим старческим голосом.

— Или того хуже, — язвительно сообщила первая кошка, — чтобы поддержать традицию, они выдадут ее за соседа, заслуженного пенсионера Иосифа Яковлевича!

— Я с самого начала знал, что миссия невыполнима! Я не умею убеждать в том, в чем я сам не уверен! — в отчаянье заплел пальцы Гавриил. — Но что я мог сделать?

— Конечно-конечно, — холодно ответили кошки. — Мы понимаем. Как же можно было упустить такую возможность — хоть на несколько часов вернуться на землю! Мы всё слышали: ах, какие птички, ах, какие картинки!

— Наверное, во мне какой-то дефект, — грустно признал Гавриил. — Мне и правда больше на земле нравится. Но задумано такое великое дело, и оно начинается с какой-то страшной ошибки. Не тот человек, не тот ангел. Я попробую поговорить там, наверху. Не знаю что, но я что-нибудь сделаю. Прощайте.

— А мы уже знаем, что сделаем, — мурлыкнули кошки и, благодушно улыбаясь, проводили взглядами Гавриила, взмывшего к облакам прямо с крыльца.

— И что же теперь будет? — проскрипели лопухи.

— Мы, кошки, спокойно прогуливаемся по обоим, как они их называют, «ведомствам», не боимся ни бога, ни черта и тоже кое-что можем. Нам плевать на человечество в целом, но мы привязаны к этой дурочке, поэтому мы внесем свои коррективы в эту рождественскую историю. Может быть, на этот раз всё будет лучше.

В тот же вечер кошки пришли к Марисабель и всю ночь лежали рядом с ней, положив лапы ей на живот. Всю ночь исправно тархтели маленькие моторчики, пелась колдовская песенка, светились фосфорным светом прищуренные глаза, а утром кошки спрыгнули на пол, устало и сладко потянулись и сказали: «Ну-с, теперь посмотрим. Может быть, это что-то изменит».

3

Через девять месяцев, в первый день весны, Мария Ивановна Сабельникова родила маленькую спокойную девочку, которая удивила всех умением улыбаться с первых дней жизни и которую назвала Кристиной. Кошки были счастливы и не отходили от колыбели.

А еще через некоторое время случилось с Марисабель странное: в один из длинных и ранних мартовских вечеров начало ей мерещиться пение славки, да такое отчетливое, что избавиться от него не представлялось никакой возможности. И с неодолимой же силой — и непонятно зачем — потянуло Марисабель съездить на дачу, на которой она не была с прошлой осени. Ужасаясь своему безумному поступку и ощущая себя преступной матерью, она бросила недоделанный заказ, оставила Кристину с бутылочками молока и сыновей с безлимитным Интернетом на попечение доброго соседа, заслуженного Иосифа Яковлевича, прыгнула в желтую «шестерку», которая на удивление сразу завелась, и по весенней распутице помчалась на дачу.

За городом снег был еще в силе, сугробы стояли на-смерть, и Марисабель, только войдя во двор, увидела, что на заснеженном крыльце дачки раскинув руки, ли-

ФАНТАСТИКА

цом вниз лежит человек. Она подбежала, увидела светлое, но изрядно перепачканное грязью длинное пальто, с усилием перевернула лежавшего и разглядела, что это кто-то ей незнакомый, с длинными спутанными волнистыми волосами, с бледным осунувшимся лицом бродяги, на котором пробивалась редкая золотистая щетина, и страдальчески сжатыми губами. Марисабель потрясла его за плечи, нерешительно похлопала по щекам, поняла, что у незнакомца жар, но вдруг он открыл глаза, оказавшиеся серо-голубыми и совершенно сумасшедшими, посмотрел на Марисабель и счастливо засмеялся.

— Маша! — сказал он. — Маша, а я теперь падший! Ты прости, что я так долго, — я ведь упал под Барнаулом!

От волнения даже не удивившись, откуда он знает ее имя и при чем здесь далекий Барнаул, Марисабель беспомощно огляделась по сторонам, но в этот будний день дачный поселок был совершенно пуст. Тогда она отперла дверь и волоком затащила мужчину в дом. Тот продолжал бредить, хохотал и сообщил ей, что он теперь пишет стихи.

— Это замечательно, — соглашалась Марисабель, растапливая печку припасенными с осени поленьями. — Но давайте лучше как-нибудь потом. Сейчас вам лучше помолчать. Нам ведь еще выбираться отсюда надо.

— Я тебе обязательно всё прочту, — страстно обещал падший незнакомец, — вот только пойму, с чего начать.... — И он вдруг начал что-то торжественно бормотать, растягивая слова на манер Беллы Ахмадулиной, потом уверял, что это про Машу: шагрень-эбен-и-пергамон-к-тебе-пришли-с-востока-заслышав-звездный-перезвон-издалека-далёка...

Потом Марисабель отыскала в буфете немного коньяка, оставшегося во фляжке, заварила чай с душицей, добавила коньяк в чай и влила эту смесь в горячего поэта. Только тогда он немного угомонился, перестал осыпать Марисабель красивыми, но загадочными фразами и через некоторое время смог, опираясь на нее, доковылять до машины.

В машине незнакомец сказал, что его зовут Гавриилом, но ему всегда казалось, что раньше его звали Александром, после чего намертво уснул, и потребовалось немало сил, чтобы разбудить его, когда они наконец доехали до дома.

И они были очень, очень счастливы — еще целых тридцать три года.

